

Месть, лесть

Сегодня. - 1994. -
21 окт. - с. 10.

А. М. Блажко. О поэзии Иосифа Бродского.

Отклик на статью Н. Славянского. «Звезда» №7

Вячеслав Курицын

С

южет таков: в прошлогодней декабрьской книжке «Нового мира» была напечатана статья упомянутого Славянского «Из страны рабства — в пустыню» (кстати, без указания места первопубликации; сия практика, похоже, в самом толстом журнале укореняется, — только что, в номере девять, появилось давным-давно напечатанное стихотворение Марины Кудимовой). Статья про пустыню содержала довольно большое количество довольно любопытных соображений: я, допустим, — несмотря на то, что общий пафос бития Бродского мне не был симпатичен, — прочитал ее с крайним интересом и, если будет позволено так выразиться, с пользой. Редакции «Звезды» статья Славянского сразу не понравилась (еще бы, земляка обидели), что явствует из служебного дописка к письму А. М. Блажко: что-то о позорном глубокомыслии, о велеречивой неправде. Но обрушиться на Славянского «Звезда» решила почему-то не своими силами, а в хорошо памятном жанре письма читателя: такие письма печатали в «Правде», когда хотели показать, что даже «простые люди» понимают, насколько такой-то пошл, чужд, глуп, враждебен, неудобоварим (ненужное зачеркнуть).

Конечно, я передегиваю: письмо читателя жанр вполне законный, кроме того — обруганный Славянский был помещен «НМ» тоже в «редакционной почте». Но уровень выдержан вполне тот, условно «правдистский»: непрофессионал учит профессионала хорошим манерам. Но и это операция вполне привычная: как сплошь, так и рядом, оптом и в розницу, сегодня и ежедневно. Меня поразила чистота сюжета — есть такой поэт Бродский, старался, пластался, новую метафизику выраба-

О этот искус рифмы плесть!
Отчасти мечь, но больше
лесть
со стороны ума — душе:
намек, что оба в барыше
от пережитого...

Бродский

Бродский: глубокое понимание (именно так) его концепции времени состоит в том, что время — не отвратительный монстр, безжалостно уничтожающий все под своей железной пятой, несправедливый арбитр (поразительно глубокая концепция, ничего не скажешь).

Бродский: да, реальный мир предстает порой в его стихах муляжем, но что вы хотите, если вокруг — самосожжения на площадях, грибы атомных взрывов, адское дыхание ядерного реактора в гробу чудовищного саркофага, пальба террористов на оживленных улицах европейских столиц, заказные убийства, контрабанда детьми... Еще? Крушения нефтяных танкеров, демонстрации неонацистов, захват телеэкранов фильмами выпотрошенных животов и кровавых рек. Потому Бродский временами пессимистичен, что вот это все происходит.

Бродский: растерянность, отчаяние и скепсис побеждается в его поэзии строгой, гармоничной формой стиха.

Я очень не люблю пафосные всхлипы «Без комментариев!». Имеется в виду, что все понимают, насколько оставленное без комментариев беспомощно и пошло. Но в том-то и дело, что понимают далеко не все. Не понимает, например, редакция «Звезды». Не понимает, что есть похвалы, которые могут звучать как обливание помоями. Да и что говорить: время постмодернистское, общих ценностей и представлений нет, мели, Емеля. Читатель не виноват, ясно: как слышит, так и дышит. «Звезда», без затей предоставляющая свои страницы заведомо домашним студиям, тоже не

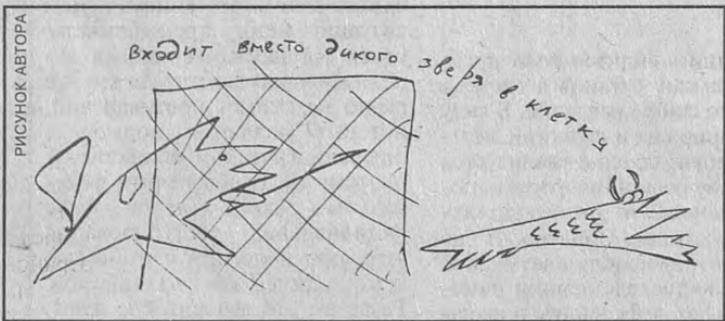
нуждается в моих мнениях. Бродский как-нибудь проживет и без меня, и без защитников из «Звезды».

Но — увы, увы — поэт, как известно, себе не принадлежит. Он сидит в наших натруженных мозолистых

сердцах, как винная ягода в склянке. Он волокна и сетчатка, он болит и трепещет.

Бедный, бедный Бродский. Сколько стеклянных бус рассыпано даром. Памятник в центре Санкт-Петербурга Бродскому Иосифу Александровичу: «За гуманизм и жизнефилию».

Контрабанда детьми. Захват телеэкранов фильмами выпотрошенных животов. Вы хотели крика ястреба, пожалуйста: поэт принадлежит народу.

тывал, породил бешеный ком рецепций, ком, превратившийся в космос, полный закоулков, ниш и прочих расходящихся тропок, и вот одно из серьезных отечественных изданий ворчит по поводу одной из подробностей этого космоса в терминах, достойных лекции для детсадовцев о сущности искусства поэзии.

Бродский: в связи с ним можно говорить о прекрасном постоянстве, о верности себе, о мужественной стойкости перед лицом судьбы и о несравненной любви к жизни.